

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НЕОКАНТИАНСТВО НЕМЕЦКОЕ И РУССКОЕ:
ОТ ЛОГИКИ ПОЗНАНИЯ К «СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ»»
(МОСКВА, 2008 г.)**

В Москве с 28 мая по 1 июня текущего года прошла большая международная конференция «Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к 'социальной педагогике'». Организаторами этого масштабного научного мероприятия стали кафедра философии Московского педагогического государственного университета, редакция научно-теоретического журнала «Вопросы философии», Российско-немецкий дом в Москве, кафедра философии и психологии Саратовского государственного университета, кафедра истории философии университета им. Мартина Лютера (Галле — Виттенберг) при участии общества Германа Когена (Цюрих). Финансовую поддержку в проведении конференции оказали Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Немецкое научно-исследовательское сообщество (DFG). В начале работы конференции было оглашено несколько приветствий, в том числе и ректора Саратовского госуниверситета проф. Л. Ю. Коссовича. В нем он выразил удовлетворение тем, что в Саратовском университете возрождаются традиции неокантианских штудий, которые были заложены в 20-х гг. прошлого столетия одним из учеников марбургских корифеев Г. Когена и П. Наторпа. В. Сеземаном в бытность его работы на кафедре философии университета.

Все выступления можно условно сгруппировать вокруг четырех основных тем. Истории русского неокантианства посвящались доклады М. Джованелли (Турин/ Тюбинген), Н. Дмитриевой (Москва), Е. Мурадовой (С.-Петербург), В. Брюшинкина и В. Поповой (Калининград), К. Миклуша (Саратов), К. Фараджева (Бохум), А. Круглова (Москва), О. Поповой (Саратов). В качестве одной из специфических черт русского неокантианства, ввиду особой исторической и философской ситуации в России начала XX века, была отмечена недифференцированность его представителей на школы марбургскую и баденскую.

Взаимосвязь немецкого и русского неокантианства стала основной темой докладов М. Феррари (Турин), Ю. Штольценберга (Галле), В. Белова (Саратов), Д. Стейлы (Турин), Ю. Муравьева (Москва), В. Махлина (Москва), М. Соболевой (Марбург), Н. Плотникова (Бохум).

Трансформациям кантовской критической философии в немецком неокантианстве были посвящены выступления Х. Хольцхай (Цюрих), Л. Калининкова (Калининград), Т. Длугач (Москва), П. Фьорато (Сассари).

Особую острую дискуссию вызвало выступление Л. Калининкова. В ней приняли участие Х. Хольцхай, президент Когеновского общества, Э. Орт, К. Крайнен и Н. Мотрошилова. Основная мысль этого выступления заключалась в том, что неокантианство исказило главные интенции кантовской философии и развивало трансцендентальную философию вовсе не согласно Канту, но в том направлении, что и Фихте. Поэтому правильнее было бы неокантианство назвать неофихтеанством. При этом Калининков сослался на оценку самого Канта проекта наукоучения Фихте как чистой логики, которая никогда не достигает предмета познания, что находится в противоречии с

задачами и целями критической философии. Тенденция ограничиться мышлением характерна и неокантианству, чем, по мнению А. Калининкова, подтверждается его оценка неокантианства как неохегелеизма. Он обращается также к опыту кантоведения, которое доказало одну несомненную истину: если исследователь упирается в какое-то кантовское противоречие, ему следует обратиться к своим рассуждениям и открыть противоречие там. Главной ошибкой неокантианства отечественный кантовед считает его стремление исправить кантовский дуализм; монизм неокантианской философской системы не исправляет Канта, но полностью его извращает — делает он вывод. Превращение знаменитой «вещи в себе» из аффицирующего предмета в трансцендентальный идеал, задачу есть разрыв с трансцендентальной эстетикой, основополагающее значение которой для кантовского трансцендентализма абсолютно. Другой «роковой» ошибкой неокантианства, по мнению Калининкова, стало отождествление ими мышления и познания, тогда как у Канта они имеют четкую дифференцированность. Познаваемый предмет, таким образом, становится абсолютно подчиненным трансцендентальному субъекту, и человек, как прежде всего существо деятельное, творческое — у Канта, превращается в существо мыслящее — у неокантианцев.

Главными возражениями принявших участие в дискуссии стали заявления по поводу того, что для адекватного восприятия неокантианского проекта трансцендентальной философии важно принимать во внимание исторический контекст, включающий в себя критику Канта со стороны послекантовского идеализма. Кроме того, основного докладчика попросили уточнить его представление об «аутентичном Канте».

Согласившись с общей установкой в изучении философии Канта, которое должно учитывать изменяющуюся историческую и философскую ситуацию, Калининков тем не менее отстаивал свой тезис о существовании для каждого времени аутентичной рецепции кантовского трансцендентализма. В качестве возможного образца таковой он посоветовал обратиться к материалам двух-трех последних кантовских конгрессов, чтобы синтетической рефлексией воспроизвести как раз исторически аутентичного Канта.

Немецкое неокантианство, в основном марбургской школы, и его европейское значение было проанализировано в выступлениях Н. Мотрошиловой (Москва), Э. Орта (Трир), К. Крайнена (Амстердам), В. Семенова (Владимир), П. Пружинина (Москва), А. Фролова (Москва), З. Сокулер (Москва), Р. Шиндлер (Берлин), Д. Адельмана (Бонн), Т. Акиндиновой (С.-Петербург), А. Помы (Турин).

Кроме выступлений и дискуссий для участников и гостей конференции была предусмотрена и культурная программа, включившая в себя обзорную экскурсию по г. Москве и небольшой камерный концерт, на котором прозвучали музыкальные произведения немецкого и русского неокантианцев Пауля Наторпа и Бориса Пастернака.

Предполагается издание материалов конференции на немецком и русском языках, соответственно в издательствах «Königshausen & Neumann» (Вюрцбург) и «РОССПЭН» (Москва).